

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

E-ISSN 2413-7618

Vol. 5, Is. 3, pp. 88-102, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.5.88

<http://ejournal41.com>



UDC 341.01

On National Realization of International "Soft Law" Norms

Rustam M. Khalafyan

M.M. Speransky Institute for Legislation and Legal Information, Russian Federation
664003, Irkutsk, Gorkogo st., 31
Senior Research Fellow
E-mail: rustam_halafyan@mail.ru

Abstract

The interaction between international law and international "soft law" happens not only in international, but also in domestic relations. The article considers the basic ways of international "soft law" influences on domestic relations: direct (through the special references to it in legislation, treaties, judgements) and indirect (as secondary means to law) by the example of States in Europe, North America and some members of the Commonwealth of Independent States. International "soft law" is used, first of all, in judicial practice. It lets judges to give reasons for their decisions, construe and concretize a legal rule, etc. The conclusion is that the use of international "soft law" within national legal systems facilitates to the implementation of international law. Thereupon the necessity of further research on the topic is emphasized. Based on analysis of the state practices, the author raises the question about the international "soft law" as specific regulator of relations, including domestic relations.

Keywords: international law, international "soft law", domestic relations, regulatory legal acts, courts.

Введение

Одной из характерных особенностей современного международного права является его устойчивая связь с различными международными нормами и обязательствами, не обладающими юридической силой. Использование международных актов различной природы субъектами внутреннего права приводит к более широкому взаимодействию национальной правовой и международной нормативной систем. В этой связи представляется интерес изучение роли международного «мягкого права» в процессе национально-правовой имплементации международного права.

Материалы и методы

При написании статьи использованы отечественная и зарубежная научная литература, национальные нормативные правовые акты и иностранное законодательство, решения Конституционного Суда Российской Федерации, судебная практика, а также решения судов иностранных государств.

Методологической основой публикации выступила совокупность методов научного познания. В частности, формально-юридический метод способствовал выявлению особенностей международного «мягкого права». Благодаря применению сравнительно-правового метода изучено его влияние на внутрисударственные отношения. Системный подход позволил рассмотреть международное «мягкое право» в сочетании с международной и национальной правовыми системами.

Обсуждение

В литературе в самом общем виде международные неправовые акты с большой долей условности обозначают термином международное «мягкое право» (далее – ММП). Не вдаваясь в подробный анализ данной концепции, отметим, что среди специалистов существует лишь общее представление о ММП, причиной чему служит сложность данного явления, многообразии форм его внешнего выражения [1, С. 124–133; 2, С. 100–111; 3; 4]. В данной работе термин ММП будет пониматься в широком смысле, охватывающем рекомендации международных организаций и международные политические акты.

«Существенное значение для эффективности воздействия на международные отношения, – пишет Л.Х. Мингазов, – имеет правильное сочетание правовых и других (и прежде всего политических) видов регулирования. ... На практике не всегда возможно или целесообразно использовать для регулирования тех или иных международных проблем правовую форму. Порой рекомендация, резолюция, принятая в рамках международной организации, являются более эффективным средством воздействия, в других – предпочтительным может быть урегулирование политическое» [5, С. 202; 6].

В этой связи С.Ю. Марочкин обращает внимание на большее распространение международных правовых механизмов в вопросах «прикладного», конкретного (права человека, экология, борьба с преступностью, др.), нежели политизированного характера, связанного с общими вопросами международных отношений [7, С. 13; 8; 9].

Количество международных неправовых документов неуклонно растет. В частности, учреждение и активное функционирование международных организаций, интенсифицирующих процесс международного нормотворчества, сказывается не только на динамике создания международных правовых норм, но и способствует развитию специфического массива правил и обязательств, требующих самостоятельного изучения. Во-первых, при использовании норм ММП поведение субъекта обычно рассматривается с точки зрения соответствующего (или не соответствующего) указанным нормам, а не международному праву. Во-вторых, государства свободны в выборе средств регулирования отношений (путем принятия во внимание предписаний международного права или положений ММП). В-третьих, презюмируется, что государства обладают правом следовать в своей практике положениям, заключенным в форму рекомендательного акта.

Обычно к числу обстоятельств, характеризующих ММП, относят: отсутствие юридических последствий в случае нарушения или неисполнения его положений; более упрощенный, по сравнению с международным правом, порядок принятия (не требуется ратификация, утверждение и т.п.); гибкость и способность приспосабливаться к своеобразию регулируемых им отношений; возможность осуществлять с его помощью толкование, детализацию правовых норм или восполнять и преодолевать пробелы в правовом регулировании и др. ММП реализуется добровольно, в силу авторитета его создателей.

Как показывает сравнительно-правовой анализ международного права и ММП, последнее обладает общими признаками, роднящими его с международно-правовыми нормами. Ю.С. Безбородов называет следующие черты сходства норм ММП и международных договорных норм: представляют собой правила поведения, созданные путем согласования позиций государств и (или) международных организаций; согласие с правилами, в них содержащимися, явно выражено; выполняют регулируемую функцию; нет препятствий, чтобы этими актами воспользовались [10, С. 87].

Важной чертой ММП является также то, что оно выражает универсальные ценности мирового сообщества. На это указывается и теоретиками права. Л. С. Явич, характеризуя международный правопорядок, отмечал, что международное право отражает не только национальные государственные интересы, но имеет и общесоциальную сущность:

«общесоциальное право находит свое выражение в документах (декларациях), которые само по себе не придают им юридического, общеобязательного для государств значения, но обладают большой силой морально-политического, идейного влияния не только на отношения между государствами, но также на внутрисоциальные отношения» [11, С. 180]. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, рекомендательные акты международных организаций являются обязательными для соблюдения (!) в том случае, если в их основу положены общепризнанные в современных демократических государствах принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и юридического равенства (постановление от 27 июня 2012 г. № 15-П) [12].

Связь международных правовых и международных неправовых регуляторов становится еще более ощутимой не только на уровне общих признаков их норм, но и при изучении практики их реализации. Свидетельство тому – утверждения специалистов о трудности проведения на практике различий между осуществлением обязательств, вытекающих из международного права и ММП [13, С. 69–71; 14, Р. 583; 15, Р. 319–320].

Например, Г.М. Даниленко и Дж. И. Чарни считают, что поскольку случаи обращения к судам или репрессалиям редки даже при нарушениях обязательств по международному праву, основным средством принуждения остается давление сообщества, применяемое как в отношении нарушителей ММП, так и международного права. Кроме того, обязательства ММП могут быть трансформированы в обязательства по международному праву. Подобной позиции придерживается и Э.Т. Гузман. Он полагает, что нередко международные договоры не предусматривают механизмы осуществления согласованных норм, в отличие от необязательных соглашений, которые могут повлечь некоторые последствия. В то же время, пишет Э.Т. Гузман, поскольку нарушение юридически обязательного соглашения налагает на государства ограниченные расходы, то говорить о качестве «обязательности» («необязательности») можно только тогда, когда за соответствующие нарушения затраты, налагаемые на виновную сторону, будут различаться. Д. Шелтон, уделяя большое внимание ММП в своих исследованиях, подчеркивает, что «проверка нормативности [в данном случае, обязательности – Р. Х.], основанной на последствиях, может сбить с толку, поскольку нарушения права могут служить причиной последствий, которые могут быть политически обусловленными».

Складывающаяся ситуация носит в определенной степени парадоксальный характер. По мере развития и совершенствования механизма международного правового регулирования, иные международные регуляторы (рекомендации, договоренности и др.) не утрачивают своего значения, а, напротив, крепнут и получают параллельное существование с международным правом. Как отмечает Ш. Розен, «в большинстве случаев необязательные части документа численно явно превосходят формальные обязательные договоры или обязательства, хотя на практике международный договор, вероятно, является самым важным типом документов, с которыми будет сталкиваться юрист-международник. Однако в глазах дипломата и политика необязательный документ, например, заявление о политике, может выглядеть весьма серьезно» [16, Р. 337]. Не является ли это следствием неэффективности международного права, следствием его кризиса?

Подобные суждения высказываются. Негативная оценка текущего положения вещей дана, в частности, Н.В. Власенко, которым расширение сферы использования ММП воспринимается как проявление кризиса международной правовой и внутрисоциальной систем, что выражается, по его мнению, в утрате правом таких свойств, как гарантированность юридических норм, безусловное обеспечение действия [17, С. 47].

Вместе с тем, принимая во внимание текущее развитие международных отношений, можно предположить, что доля международного неправового регулирования будет продолжать расти. В этой связи представляет интерес то, каким образом подобная ситуация повлияет на упорядочение отношений, возникающих между субъектами международного права в XXI веке, будет ли она способствовать совершенствованию системы международного права?

На наш взгляд, в ближайшем будущем развитие международного права в значительной степени будет обусловлено не столько насущными потребностями в соответствующих правилах поведения для регулирования различных областей

международной жизни, сколько нуждаться в детализации, толковании и применении уже существующих универсальных демократических положений международного права к конкретным ситуациям.

Отсюда одним из особенностей международного права в XXI веке видится смещение акцента с дальнейшего масштабного формирования его системы, имевшего место в минувшем столетии, на работу с уже созданными принципами и нормами в направлении их большей эффективности. Практика демонстрирует, что формирование и имплементация международного права может происходить, в частности, за счет иных международных регуляторов, в корне ему не противоречащих. На их месте вполне могут выступить международные неправовые акты или акты ММП. По точному замечанию А.Я. Капустина, «международное право не только отражает присущие любому праву характеристики, но обязательно воспроизводит особенности системы, которая вызвала его к жизни, т.е. системы межгосударственных отношений, представляющей собой исторически изменяющуюся субстанцию. Современная эпоха развития международных отношений отличается от предыдущих рядом особенностей» [18, С. 7].

В последнее время можно наблюдать расширение сферы общественных отношений, регулируемых международным правом. При его активном участии осуществляется взаимодействие национальных правовых систем. Соблюдение актов ММП, обращение к ним, проявляется как на международном уровне [19], так и в пределах юрисдикции национальных государств [20, С. 164–167; 21, Р. 262–268; 22]. Следует согласиться с мнением И.И. Лукашука, что «существенно более разнообразным стал международный инструментарий интернационализации права государств. Особое значение приобрели резолюции международных органов и организаций, т.е. акты мягкого права» [23, С. 51].

Изучение национальной практики использования ММП в ряде зарубежных государств позволяет выделить два основных способа влияния международных неправовых актов на внутригосударственные отношения: прямое (непосредственное) и косвенное. В зависимости от этого различается и роль рекомендаций международных организаций и иных актов ММП: либо они являются самостоятельным регулятором, либо выступают как вспомогательное, «техническое», по отношению к международному и национальному праву, средство регламентирования общественных отношений.

Прямое влияние имеет место, когда существуют специальные отсылки к рекомендациям международных организаций в законодательстве, в судебной практике, в международных договорах. *Косвенное влияние* ММП, в свою очередь, означает его действие через нормы внутреннего или международного права (способствует уточнению содержания международных договоров, влияет на разработку правовых актов и др.). Данное деление позволяет рассмотреть специфику ММП в качестве особого нормативного регулятора.

Прямое влияние ММП на внутригосударственные отношения.

Практически все государства не определяют в текстах своих конституций нормативные основы действия международных неправовых актов. Несмотря на это в зарубежном законодательстве устанавливается возможность, необходимость и целесообразность применения ММП, что подтверждается наличием разнообразных *отсылок к международным неправовым актам*. Наличие подобных ссылок способствуют обогащению внутригосударственной практики особыми специфическими правилами поведения. Обратимся к конкретным примерам.

В Республике Молдова провозглашается принятие законов: «в целях обеспечения четкой юридической основы по охране и защите национального археологического наследия, соответствующей положениям конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО и Совета Европы»; «в целях ... обеспечения адекватной правовой базы для возведения и охраны этого типа памятников, согласованной с положениями конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО и Совета Европы» [24; 25].

В пункт 4 статьи 3 УИК РФ 1997 г. предусмотрено, что рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей [26].

Согласно пункту 1 статьи 6 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» 2001 г., операция с

денежными средствами или иным имуществом подлежит обязательному контролю, в частности, если «хотя бы одной из сторон является физическое или юридическое лицо ... которое (которая) не выполняет рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), либо если указанные операции проводятся с использованием счета в банке, зарегистрированном в указанном государстве (на указанной территории)» [27].

Рекомендации международных организаций наряду с международными договоренностями упоминаются во многих стратегиях, доктринах, концепциях и т.п. актах. В соответствии с Концепцией государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию 2014 г., государственная политика Российской Федерации в сфере содействия международному развитию осуществляется с учетом основных документов ООН, в том числе положений Устава ООН, Декларации тысячелетия ООН, Монтеррейского консенсуса Международной конференции по финансированию развития, Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию («Йоханнесбургский план выполнения решений»), Итогового документа Всемирного саммита 2005 года, Итогового документа Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим», а также с учетом положений Парижской Декларации по повышению эффективности внешней помощи, Аккрской программы действий, Пусанского плана партнерства в целях эффективного сотрудничества в области развития, Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года и Санкт-Петербургской стратегии развития 2013 года (пункт 2) [28].

Отдельно следует отметить нормативные правовые акты, касающиеся необходимости соблюдения ММП должностными лицами органов государственной власти. Возлагается обязанность учитывать рекомендации международных организаций или приводить национальное законодательство в соответствие с международными неправовыми актами.

К примеру, в Указе Президента Республики Казахстан государственным органам и организациям поручено усилить контроль за выполнением международных договоров Республики Казахстан, решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и достигнутых договоренностей (пункт 2) [29].

В силу пункта 8 Положения об Агентстве по авторским правам Азербайджанской Республики, утвержденного указом Президента Республики, Агентство, среди прочего, в установленном законодательством порядке принимает меры для учета решений и рекомендаций ВОИС и ЮНЕСКО по вопросам интеллектуальной собственности [30].

Федеральная аэронавигационная служба РФ (с 2005 по 2009 г.) осуществляла разработку отраслевых нормативных актов, определяющих порядок использования системы ГЛОНАСС, функциональных дополнений и аппаратуры спутниковой навигации с учетом рекомендаций Международной организации гражданской авиации (ИКАО) [31]. В Положении о расследовании аварий или инцидентов на море говорится о том, что оно соответствует не только федеральным актам и международным договорам Российской Федерации, но учитывает и резолюции Ассамблеи Международной морской организации (ИМО), Комитета по безопасности на море ИМО (пункт 1) [32].

Наибольшее распространение в национальных правовых системах получила практика учета ММП *для аргументации формулируемых судами правовых позиций и выводов.*

В решении, вынесенном Конституционным Судом Испании 30 ноября 2000 г. по жалобе защитника народа (*el Defensor del Pueblo*) [33], осуществлялась проверка конституционности понятия права на защиту персональных данных, закрепленное в органическом законе о защите персональных данных. Судом были приняты во внимание «Руководящие принципы регламентации компьютеризованных картотек, содержащих данные личного характера» 1990 г., закрепляющие, в частности, принципы, касающиеся минимальных гарантий, которые должны быть воплощены в национальных законодательствах. Опираясь на данный акт ММП, Суд сослался на запрет на вмешательство в чью-либо частную сферу и на использование любых анкетных данных, незаконно полученных через такое вмешательство, возлагаемый на частные и государственные структуры. В итоге оспариваемый акт был признан неконституционным.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П Суд указал на то, что одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц.

Его позиция, в частности, была подкреплена ссылкой на пункт 13 приложения к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 12 мая 2004 г. Rec (2004) 6 «О повышении эффективности внутренних средств правовой защиты» [34].

Порою ММП выступает едва ли не единственным средством регулирования. Другими словами, основанием принятия во внимание ММП может быть не только специфика международных отношений, обуславливающая выбор способа регулирования (через политические договоренности, международные соглашения, рекомендации международных организаций), а возможность *при помощи ММП восполнить пробелы в правовом регулировании*. Сказанное подтверждается решением Верховного Суда Кипра, вынесенным 24 марта 1984 г. В данном разбирательстве, при отсутствии на тот момент каких-либо доступных дефиниций понятия «инвалидность» во внутреннем праве, в международных правовых актах, суд обратился к «Декларации о правах инвалидов» 1975 г. С ее помощью было вынесено новое решение [35].

Годом ранее в судебном процессе «Bowoon Sangsa Co Ltd M/t Bowoon Sangsa Co Ltd v. Micronesian Industrial» американский суд с целью толкования термина «свободное объединение» использовал Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Принципы, которыми государства-члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73-й Устава» 1960 г. [36]

Реализация судебными органами ММП не случайна: *ММП отражает текущие тенденции регулирования, способствует становлению международного обычая*. На это было обращено внимание Верховным Судом Канады в решении от 4 июня 1998 г., в котором отмечается, что на протяжении 1980-х и 1990-х годов международные усилия бороться с незаконным оборотом наркотиков были включены в качестве пункта повестки дня Генеральной Ассамблеи на каждой ее сессии, и на каждой сессии Генеральная Ассамблея принимала резолюции по данному вопросу. Эти резолюции, указывалось далее, не являются юридически обязательными для государств-членов, но они ясно и твердо указывают на взгляды ООН и ее членов. Резолюции по контролю за незаконным оборотом наркотиков последовательно содержат выражение крайней озабоченности проблемой и осуждение тех, кто ответственен за их сохранение и непрерывный рост (пункт 116) [37].

В решении Верховного Конституционного Суда Египта от 5 августа 1995 г. предметом рассмотрения являлись национальные нормы, ущемляющие трудовые права лиц с ограниченными возможностями. Судом были приняты во внимание акты ММП. Отмечалось, что резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не обязательны для государств, однако обладают моральным и политическим весом и действуют как доказательство текущей тенденции и в этом отношении показывают, что международное сообщество движется в направлении большего признания прав инвалидов, того, что не может быть игнорировано национальными органами власти [38].

Косвенное влияние ММП на внутригосударственные отношения

Оно происходит совместно с правовыми нормами, в частности, с нормами международного права. Как известно, имплементации правил международного обычая, общепризнанных принципов международного права, препятствует их неписаный характер. Обычно решение рассматриваемой проблемы видится в необходимости проведения аналитической работы либо во внесении изменений в законодательство.

Так, в Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» 2014 г. предусмотрено изложение позиции Конституционного Суда о документах, принятых (изданных) иностранными государствами, международными организациями и (или) их органами и затрагивающих интересы Республики, в части соответствия этих документов общепризнанным принципам и нормам международного права (глава 22 Закона, статьи 148–152) [39]. Подобное предложение вправе внести в Конституционный Суд Президент, палаты высшего законодательного органа страны – Национального собрания Республики Беларусь (Палата представителей и Совет Республики), Правительство (Совет Министров Республики). По результатам рассмотрения дела Суд принимает решение, в котором излагает свою позицию относительно соответствия проверенного документа общепризнанным принципам и нормам международного права, доводы, положенные в ее основу. При этом в решении могут содержаться предложения государственным органам,

иным организациям, должностным лицам о принятии в соответствии с их компетенцией соответствующих мер, в том числе при регламентации вопросов, сходных с содержащимися в проверенном документе.

Одним из способов доказательства наличия указанных норм международного права является изучение международных неправовых актов, в частности, рекомендаций международных организаций, которые могут воспроизводить содержание юридических норм. На этот счет в национальных правовых системах даны специальные разъяснения для правоприменителей.

В Своде права внешних сношений Соединенных Штатов 1987 г., используемом американскими судьями при отправлении правосудия, говорится что резолюции универсальных международных организаций могут рассматриваться в качестве общего обычного права, когда они: не противоречат друг другу, приняты в форме консенсуса, подкреплены деятельностью Комиссии международного права ООН или другими серьезными проверками, касаются толкования Устава ООН главными органами Организации). Далее поясняется, что даже единодушно принятая резолюция может быть подвергнута сомнению, если голосуя за нее, государства рассматривают ее исключительно как рекомендацию или политическое действие, не придают ей серьезного юридического обоснования. К тому же резолюция имеет небольшое значение, если она противоречит государственной практике либо отклонена международными судами или трибуналами (§ 103, comment «с», reporters note 2) [40].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» 2003 г. содержание общепризнанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах ООН и ее специализированных учреждений (пункт 1) [41].

По справедливому утверждению П.Н. Бирюкова, «в последнее время в правовой системе нашего государства отмечается все более широкое использование решений международных органов по правам человека в качестве подтверждения наличия общепризнанных принципов и норм международного права» [42, С. 44]. В Российской Федерации таковыми, в частности, признаются положения «Всеобщей декларации прав человека», «Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными», утвержденных Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. [43]

Следование рекомендациям международных организаций может быть вызвано не только необходимостью доказательства их существования, но и быть обусловлено самим характером международно-правовой нормы: общие положения, целевые установки в большинстве своем требуют их дальнейшую конкретизацию, детализацию правилами ММП применительно к специфике спора.

О необходимости четких, формально-определенных положений ММП для регулирования общественных отношений во внутригосударственной сфере свидетельствует дело «Flores v. Southern Peru Copper Corporation» (2003 г.), в котором суд отказал заявителям на том основании, что приведенным ими в обоснование своей позиции «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию» 1992 г. и «Всемирная хартия природы» 1982 г. носят общий характер и не содержат правил поведения [44].

В решении Гаагского окружного суда (Нидерланды) от 7 сентября 2005 г. при толковании «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979 г. была принята во внимания Общая рекомендация № 23 (1997 г.) Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин [45]. В ней предусматривается, что право женщин голосовать на всех выборах и референдумах и быть избранными должно быть осуществимо как де-юре, так и де-факто; что правительствам следует поощрять политические партии и профессиональные союзы в обеспечении равных возможностей для женщин на практике состоять на публичных должностях и быть представленными в качестве кандидатов для избрания; и др.

Конституционный Суд РФ в одном из постановлений отметил, что «учитывая общепризнанный международно-правовой принцип независимости суда, следует иметь в

виду, что, конкретизируя его, Венская декларация и программа действий, принятая на II Всемирной конференции по правам человека (июнь 1993 г.), содержит конкретизирующее его положение о необходимости надлежащего финансирования учреждений, занимающихся отправлением правосудия» [46].

В Решении Верховного Суда РФ от 2 марта 2009 г. № ГКПИ09-36 истец оспаривал утвержденный Правительством РФ «Перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин». По его мнению, нормы последнего противоречили Конвенции МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» 1958 г. и трудовому законодательству, т.к. нарушали ее конституционное право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. В ходе судебного разбирательства Суд пришел к выводу о необоснованности ссылки заявителя на данную Конвенцию, поскольку ее пункт 2 статьи 1 не относит к дискриминации всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на специфических требованиях, связанных с определенной работой. Для того, чтобы придать норме более конкретный для данного спора характер, Суд привел декларацию Генеральной Ассамблеи ООН «О ликвидации дискриминации в отношении женщин» от 7 ноября 1967 г., которая уточняет, что «меры, принятые для защиты женщин на определенных видах работы, с учетом физиологических особенностей их организма, не должны считаться дискриминационными» (пункт 3 статьи 10) [47].

Результаты

Таким образом, использование ММП органами государственной власти, физическими и юридическими лицами, можно рассматривать в качестве специфического средства правового регулирования, которое способствует имплементации международного права во внутригосударственные правовые системы, регулированию общественных отношений.

В завершение следует отметить, что приведенные выше тенденции касались мирного сосуществования международных правовых и международных неправовых актов. Однако реальность межгосударственных отношений такова, что возможны ситуации, когда заложенные в указанных актах нормы и обязательства предусматривают, по сравнению с международным правом, регулирование кардинально иное. Иными словами, не исключен *конфликт между предписаниями международного права и положениями ММП* (в данном случае речь идет прежде всего о международных политических обязательствах).

Подобные тенденции не представляют собой исключительно теоретический интерес, а находят подтверждение в межгосударственной практике. Одним из таких примеров является нормативное закрепление в ряде актов ММП, в частности в «Итоговом документе Всемирного саммита ООН» 2005 г., неоднозначной международной концепции «Ответственность за защиту» («Responsibility to protect»). И хотя международное право нормативно устанавливает принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, сторонниками указанной концепции отстаивается тезис о допустимости использования принудительных мер в отношении правительств, не обеспечивающих защиту прав своих граждан, если Советом Безопасности ООН такое решение не принято [48]. Подобные действия формируют практику поведения, противоречащую основным принципам международного права.

В этой связи возникает вопрос о тех способах реагирования международного права, которые надлежит выработать субъектам международного права в XXI веке на подобные действия, не отвечающие интересам всего мирового сообщества. Его разрешение затрудняет то обстоятельство, что государства свободны в выборе форм внешнего выражения принимаемых ими обязательств. Наличие мер международно-правовой ответственности также не гарантирует возможности надлежащего соблюдения международного права. Следует полностью согласиться с Ю.М. Колосовым в том, что «обязанность строгого соблюдения норм международного права сама по себе – не панацея от случаев их нарушения. ... Опасность всякого конфликта для всеобщего мира и безопасности заставляет задуматься над путями повышения эффективности международного права» [49, С. 86].

Названная проблема является многогранной и выходит за рамки тематики представленной статьи. Вместе с тем представляется несомненным тот факт, что в качестве обязательного требования, предъявляемого к функционированию ММП, надлежит

рассматривать его непротиворечие императивным нормам международного права, которые являются основой и системообразующим фактором не только международного права, а всей международной нормативной системы [50, С. 9]. Очевидно, что в ее решении должно быть заинтересовано международное сообщество.

Заключение

Таким образом, что использование международных неправовых актов в нарушение норм международного права присуще сфере международных отношений. Обращение к ММП в правовых системах государств обычно не противоречит и не выходит за границы общего процесса национально-правовой имплементации международного права, а является его частью. Вместе с тем представителями науки международного права, отраслевых юридических дисциплин, не уделено должного внимания вопросу реализации ММП в правовых системах государств.

Учитывая возрастающую роль ММП в регулировании национальных отношений, текущую обширную, прежде всего судебную, внутригосударственную практику, наличие определенной связи между ММП и международным правом, являющимся частью национальных правовых систем, данная область исследований представляется весьма актуальной с точки зрения развития системы международного права в XXI веке.

Примечания

1. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997.

2. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. 2-е изд. М.: Дело, 1999.

3. Blutman L. In the Trap of a Legal Metaphor: International Soft Law // *International and Comparative Law Quarterly*. 2010. Vol. 59. Issue 3.

4. Ellis J. Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law // *Leiden Journal of International Law*. 2012. Vol. 25. Issue 02.

5. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : дисс. ... докт. юрид. наук. Казань, 2000.

6. Сандровский К.К. Политическое и правовое регулирование современных международных отношений (взаимодействие международных политических и правовых норм) // *Вестн. Киев. ун-та. Сер. международные отношения и международное право*. 1987. Вып. 24.

7. Марочкин С.Ю. Некоторые черты и тенденции развития международного права в начале XXI века // *Российский ежегодник международного права*, 2008. СПб. : Россия-Нева, 2009.

8. Marochkin S.Yu. On the Recent Development of International Law: Some Russian Perspectives // *Chinese Journal of International Law*. 2009. Vol. 8. № 3.

9. О современных тенденциях международно-правового регулирования см. также: Галенская Л.Н. Тенденции развития правового регулирования международных отношений в XXI веке // *Международные отношения и право: взгляд в XXI век : материалы конф. в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред.: Бахин С.В.* СПб. : Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2009.

10. Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы. М. : Волтерс Клувер, 2008.

11. Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.

12. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П // *ВКС*. 2012. № 5.

13. Даниленко Г.М., Чарни Дж.И. Создание международного права и согласие государств // *Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны : сб. статей / Отв. ред. Л. Дэврош и Г. Даниленко*. М. : Спарк, 1996.

14. Guzman A.T. The Design of International Agreements // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. No 4.
15. Shelton D. Normative Hierarchy in International Law // *American Journal of International Law*. 2006. Vol. 100. No 2.
16. Rosenne Sh. *The Perplexities of Modern International Law*. Leiden : Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
17. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // *Журнал российского права*. 2013. № 8.
18. Капустин А.Я. *Международное право и вызовы XXI века* // *Журнал российского права*. 2014. № 7.
19. Халафян Р.М. Влияние «мягкого права» на международную правовую систему // *Академический юридический журнал*. 2012. № 2 (48).
20. Колодкин Р.А. *Международные рекомендательные нормы (на примере резолюций-рекомендаций Генеральной Ассамблеи ООН) : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1986.*
21. Schreuer Ch. *International Law in Municipal Law: Law and Decisions of International Organizations and Courts* // *Encyclopedia of Public International Law, Instalment 10* / ed. by R. Bernhardt. North-Holland, Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V., 1987.
22. *International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion* / ed. by Dinah Shelton. New York : Oxford University Press, 2011.
23. Лукашук И. И. *Глобализация, государство, право, XXI век*. М. : Спарк, 2000.
24. Об охране археологического наследия : закон Республики Молдова от 17 сент. 2010 г. № 218 (с изм. от 30.07.2015) // *Monitorul Oficial*. 2010. Nr. 235–240. Ст.738; 2015. Nr. 223. Ст. 443.
25. О памятниках, возведенных в общественных местах : закон Республики Молдова от 30 сент. 2011 г. № 192 // *Monitorul Oficial*. 2011. Nr. 197–202. Ст. 569.
26. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. от 13.07.2015) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. № 2. Ст. 198; 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4386.
27. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (с изм. от 29.06.2015) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418; 2015. № 27. Ст. 4001.
28. Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию : указ Президента Российской Федерации от 20 апр. 2014 г. № 259 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 17. Ст. 2036.
29. О вопросах подготовки информации о выполнении международных договоров Республики Казахстан и представления ее на рассмотрение Президента Республики Казахстан, а также согласования проектов решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и их реализации, подготовки международных мероприятий Республики Казахстан с участием Президента Республики Казахстан, выполнения достигнутых договоренностей и взаимодействия с международными судебными органами : Указ Президента Республики Казахстан от 12 авг. 2010 г. № 1037 от 12 авг. 2010 г. № 1037 (с изм. от 18.05.2015) // *Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан*. 2010. № 46. Ст. 416; 2015. № 29–30. Ст.191.
30. Об утверждении Положения об Агентстве по авторским правам Азербайджанской Республики : указ Президента Азербайджанской Республики от 30 авг. 2005 г. № 287 (с изм. от 28.10.2013) // *Собрание законодательства Азербайджанской Республики*. 2005. № 8. Ст. 719; 2013. № 10. Ст. 1157.
31. Об утверждении Положения о полномочиях федеральных органов исполнительной власти по поддержанию, развитию и использованию глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС в интересах обеспечения обороны и безопасности государства, социально-экономического развития Российской Федерации и расширения международного сотрудничества, а также в научных целях : постановление Правительства

Российской Федерации от 30 апр. 2008 г. № 323 (с изм. от 29.12.2014) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

32. Об утверждении Положения о расследовании аварий или инцидентов на море : приказ Минтранса России от 8 окт. 2013 г. № 308 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 14. 7 апр.

33. Sentencia 292/2000, de 30 de noviembre de 2000 del Tribunal Constitucional. Recurso de inconstitucionalidad respecto de los arts. 21.1 y 24.1 y 2 de la Ley Orgánica 15/1999, de 13 de diciembre, de Protección de Datos de Carácter Personal // URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=OCBOQFjAAahUKEwi-vsTdyZzJAHUi_HIKHcsPAVQ&url=https%3A%2F%2Fwww.agpd.es%2FportalwebAGPD%2Fcanaldocumentacion%2Fsentencias%2Ftribunal_constitucional%2Fcommon%2Fpdfs%2FSentencia292.pdf&usg=AFQjCNGkLVa6dsZY1790YnvbZaxOryNICg&cad=rjt

34. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244¹ и пункта 1 части первой статьи 244⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 г. № 14-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.

35. Constantinou v Cyprus, Judicial Review Decision, Case No 302/80 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 917 (CY 1984) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

36. Bowoon Sangsa Co Ltd M/t Bowoon Sangsa Co Ltd v. Micronesian Industrial, 720 F. 2d 595 (1983) // URL: http://openjurist.org/720/f2d/595/bowoon-sangsa-co-ltd-mt-bowoon-sangsa-co-ltd-v-micronesian-industrial-corporation#fn7_ref

37. Pushpanathan v Canada (Minister of Citizenship and Immigration), Appeal to Supreme Court, (1998) 1 SCR 982 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. – 182 (CA 1998) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

38. Office of the Prosecutor V Priebke, Ordinary Appeal Judgment, Request of Extradition, P/457/XXXI // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 1599 (AR 1995) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

39. О конституционном судопроизводстве : закон Республики Беларусь от 8 янв. 2014 г. № 124-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2014. 2/2122. 16 янв.

40. Restatement of the Law, Third, Foreign Relations Law of the United States, 1987 // URL: <http://www.ali.org/>

41. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5 (с изм. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12; 2013. № 5.

42. Бирюков П. Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: Теоретические проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2001.

43. По жалобе гражданина Владимирцева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями шестой и восьмой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2006 г. № 378-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.

44. Flores v. Southern Peru Copper Corporation, 343 F. 3d 140 (2003) // URL : http://openjurist.org/343/f3d/140/flores-v-southern-peru-copper-corporation#fn40_ref

45. Test Trial Fund Clara Wichmann and ors v Netherlands, First instance decision, No HA ZA 03/3395; LJN: AU2088 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 221 (NL 2005) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

46. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 102 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации

Федерации от 17 июля 1998 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 6.

47. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2009 г. № ГКПИ09-36 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Пример взят из работы: Велижанина М.Ю. Проблемные вопросы концепции «мягкого права» // Роль международных и внутригосударственных рекомендательных актов в правовой системе России : материалы «круглого стола» с международным участием (г. Иркутск, 26 апреля 2013 г.) // Отв. ред. А.А. Петров, Р.М. Халафян. Иркутск, 2013.

49. Колосов Ю.М. Некоторые современные вопросы международного права // Советское государство и право. 1990. № 11.

50. Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Отв. ред. И.И. Лукашук. М. : Наука, 1989.

References:

1. Lukashuk I.I. Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoj normativnoj sisteme. M. : Spark, 1997.

2. Neshataeva T.N. Mezhdunarodnye organizacii i pravo. Novye tendencii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii. 2-e izd. M. : Delo, 1999.

3. Blutman L. In the Trap of a Legal Metaphor: International Soft Law // International and Comparative Law Quarterly. 2010. Vol. 59. Issue 3.

4. Ellis J. Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25. Issue 02.

5. Mingazov L.H. Jeffektivnost' norm mezhdunarodnogo prava: teoreticheskie problemy : dis. ... dokt. jurid. nauk. Kazan', 2000.

6. Sandrovskij K.K. Politicheskoe i pravovoe regulirovanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij (vzaimodejstvie mezhdunarodnyh politicheskikh i pravovyh norm) // Vestn. Kiev. un-ta. Ser. mezhdunarodnye otnoshenija i mezhdunarodnoe pravo. 1987. Vyp. 24.

7. Marochkin S.Ju. Nekotorye cherty i tendencii razvitija mezhdunarodnogo prava v nachale XXI veka // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 2008. SPb. : Rossija-Neva, 2009.

8. Marochkin S.Yu. On the Recent Development of International Law: Some Russian Perspectives // Chinese Journal of International Law. 2009. Vol. 8. № 3.

9. O sovremennyh tendencijah mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija sm. takzhe: Galenskaja L.N. Tendencii razvitija pravovogo regulirovanija mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke // Mezhdunarodnye otnoshenija i pravo: vzgljad v XXI vek : materialy konf. v chest' professora L.N. Galenskoj / Pod red.: Bahin S.V. S.-Pb. : Izdat. Dom S.-Peterb. goS. un-ta, 2009.

10. Bezborodov Ju.S. Mezhdunarodnye model'nye normy. M. : Volters Kluver, 2008.

11. Javich L.S. Sushhnost' prava. Social'no-filosofskoe ponimanie genezisa, razvitija i funkcionirovanija juridicheskoj formy obshhestvennyh otnoshenij. L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1985.

12. Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 1 i 2 stat'i 29, punkta 2 stat'i 31 i stat'i 32 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki I.B. Delovoj : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 ijunja 2012 g. № 15-P // VKS. 2012. № 5.

13. Danilenko G.M., Charni Dzh.I. Sozdanie mezhdunarodnogo prava i soglasie gosudarstv // Vne konfrontacii. Mezhdunarodnoe pravo v period posle holodnoj vojny : sb. statej / Отв. ред. L. Djemrosh i G. Danilenko. M. : Spark, 1996.

14. Guzman A.T. The Design of International Agreements // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No 4.

15. Shelton D. Normative Hierarchy in International Law // American Journal of International Law. 2006. Vol. 100. No 2.

16. Rosenne Sh. The Perplexities of Modern International Law. Leiden : Martinus Nijhoff Publishers, 2004.

17. Vlasenko N.A. Krizis prava: problemy i podhody k resheniju // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8.

18. Kapustin A.Ja. Mezhdunarodnoe pravo i vyzovy XXI veka // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 7.

19. Halafjan R.M. Vlijanie «mjagkogo prava» na mezhdunarodnuju pravovuju sistemu // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2012. № 2 (48).
20. Kolodkin R.A. Mezhdunarodnye rekomendatel'nye normy (na primere rezolucij-rekomendacij General'noj Assamblei OON) : dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 1986.
21. Schreuer Ch. International Law in Municipal Law: Law and Decisions of International Organizations and Courts // Encyclopedia of Public International Law, Instalment 10 / ed. by R. Bernhardt. North-Holland, Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V., 1987.
22. International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion / ed. by Dinah Shelton. New York : Oxford University Press, 2011.
23. Lukashuk I. I. Globalizacija, gosudarstvo, pravo, XXI vek. M. : Spark, 2000.
24. Ob ohrane arheologicheskogo nasledija : zakon Respubliki Moldova ot 17 sent. 2010 g. № 218 (s izm. ot 30.07.2015) // Monitorul Oficial. 2010. Nr. 235–240. St.738; 2015. Nr. 223. St. 443.
25. O pamjatnikah, vozvedennyh v obshhestvennyh mestah : zakon Respubliki Moldova ot 30 sent. 2011 g. № 192 // Monitorul Oficial. 2011. Nr. 197–202. St. 569.
26. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 8 janv. 1997 g. № 1-FZ (s izm. ot 13.07.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1997. № 2. St. 198; 2015. № 29 (ch. I). St. 4386.
27. O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma : federal'nyj zakon ot 7 avg. 2001 g. № 115-FZ (s izm. ot 29.06.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 33 (ch. I). St. 3418; 2015. № 27. St. 4001.
28. Ob utverzhdenii Konceptcii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiju : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 20 apr. 2014 g. № 259 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 17. St. 2036.
29. O voprosah podgotovki informacii o vypolnenii mezhdunarodnyh dogovorov Respubliki Kazahstan i predstavlenija ee na rassmotrenie Prezidenta Respubliki Kazahstan, a takzhe soglasovanija proektov reshenij mezhdunarodnyh organizacij, uchastnicej kotoryh javljaetsja Respublika Kazahstan, i ih realizacii, podgotovki mezhdunarodnyh meroprijatij Respubliki Kazahstan s uchastiem Prezidenta Respubliki Kazahstan, vypolnenija dostignutyh dogovorennostej i vzaimodejstvija s mezhdunarodnymi sudebnymi organami : Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 12 avg. 2010 g. № 1037 ot 12 avg. 2010 g. № 1037 (s izm. ot 18.05.2015) // Sobranie aktov Prezidenta Respubliki Kazahstan i Pravitel'stva Respubliki Kazahstan. 2010. № 46. St. 416; 2015. № 29–30. St.191.
30. Ob utverzhdenii Polozhenija ob Agentstve po avtorskim pravam Azerbajdzhanskoj Respubliki : ukaz Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 30 avg. 2005 g. № 287 (s izm. ot 28.10.2013) // Sobranie zakonodatel'stva Azerbajdzhanskoj Respubliki. 2005. № 8. St. 719; 2013. № 10. St. 1157.
31. Ob utverzhdenii Polozhenija o polnomochijah federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti po podderzhaniju, razvitiju i ispol'zovaniju global'noj navigacionnoj sputnikovoj sistemy GLONASS v interesah obespechenija oborony i bezopasnosti gosudarstva, social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii i rasshirenija mezhdunarodnogo sotrudnichestva, a takzhe v nauchnyh celjah : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 apr. 2008 g. № 323 (s izm. ot 29.12.2014) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
32. Ob utverzhdenii Polozhenija o rassledovanii avarij ili incidentov na more : prikaz Mintransa Rossii ot 8 okt. 2013 g. № 308 // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2014. № 14. 7 apr.
33. Sentencia 292/2000, de 30 de noviembre de 2000 del Tribunal Constitucional. Recurso de inconstitucionalidad respecto de los arts. 21.1 y 24.1 y 2 de la Ley Orgánica 15/1999, de 13 de diciembre, de Protección de Datos de Carácter Personal // URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBOQFjAAahUKEwi-vsTdyZzJAhUi_HIKHcsPAvQ&url=https%3A%2F%2Fwww.agpd.es%2FportalwebAGPD%2Fcanaldocumentacion%2Fsentencias%2Ftribunal_constitucional%2Fcommon%2Fpdfs%2FSentencia292.pdf&usg=AFQjCNGkLVa6dsZYl790YnvnvZaxOryNICg&cad=rjt
34. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti 1 stat'i 1, punkta 1 chasti 1, chastej 6 i 7 stat'i 3 Federal'nogo zakona «O kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj srok», chastej pervoj i chetvertoj

stat'i 2441 i punkta 1 chasti pervoj stat'i 2446 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki A.E. Popovoj : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 ijunja 2013 g. № 14-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2013. № 6.

35. Constantinou v Cyprus, Judicial Review Decision, Case No 302/80 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 917 (CY 1984) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

36. Bowoon Sangsa Co Ltd M/t Bowoon Sangsa Co Ltd v. Micronesia Industrial, 720 F. 2d 595 (1983) // URL: http://openjurist.org/720/f2d/595/bowoon-sangsa-co-ltd-mt-bowoon-sangsa-co-ltd-v-micronesia-industrial-corporation#fn7_ref

37. Pushpanathan v Canada (Minister of Citizenship and Immigration), Appeal to Supreme Court, (1998) 1 SCR 982 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. – 182 (CA 1998) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

38. Office of the Prosecutor V Priebke, Ordinary Appeal Judgment, Request of Extradition, P/457/XXXI // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 1599 (AR 1995) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

39. O konstitucionnom sudoproizvodstve : zakon Respubliki Belarus' ot 8 janv. 2014 g. № 124-Z // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. 2014. 2/2122. 16 janv.

40. Restatement of the Law, Third, Foreign Relations Law of the United States, 1987 // URL: <http://www.ali.org/>

41. O primenenii sudami obshhej jurisdikcii obshhepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 okt. 2003 g. № 5 (s izm. ot 05.03.2013) // Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2003. № 12; 2013. № 5.

42. Birjukov P. N. Mezhdunarodnoe ugotovno-processual'noe pravo i pravovaja sistema Rossijskoj Federacii: Teoreticheskie problemy : dis. ... dokt. jurid. nauk. Voronezh, 2001.

43. Po zhalobe grazhdanina Vladimirceva Aleksandra Ivanovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastjami shestoj i vos'moj stat'i 82 Ugotovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 12 ijulja 2006 g. № 378-O // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2007. № 2.

44. Flores v. Southern Peru Copper Corporation, 343 F. 3d 140 (2003) // URL : http://openjurist.org/343/f3d/140/flores-v-southern-peru-copper-corporation#fn40_ref

45. Test Trial Fund Clara Wichmann and ors v Netherlands, First instance decision, No HA ZA 03/3395; LJN: AU2088 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 221 (NL 2005) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

46. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stat'i 102 Federal'nogo zakona «O federal'nom bjudzhete na 1998 god» : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17 ijulja 1998 g. № 23-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1998. № 6.

47. Reshenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 marta 2009 g. № GKPI09-36 // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».

48. Primer vzjat iz raboty: Velizhanina M.Ju. Problemnye voprosy koncepcii «mjagkogo prava» // Rol' mezhdunarodnyh i vnutrigosudarstvennyh rekomendatel'nyh aktov v pravovoj sisteme Rossii : materialy «kruglogo stola» s mezhdunarodnym uchastiem (g. Irkutsk, 26 aprelja 2013 g.) // Otv. red. A.A. Petrov, R.M. Halafjan. Irkutsk, 2013.

49. Kolosov Ju.M. Nekotorye sovremennye voprosy mezhdunarodnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1990. № 11.

50. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. T. 2. Osnovnye principy mezhdunarodnogo prava / Otv. red. I.I. Lukashuk. M. : Nauka, 1989.

УДК 341

О национальной реализации норм международного «мягкого права»

Рустам Мартикович Халафян

Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского,
Российская Федерация
664003, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Горького, 31
Старший научный сотрудник
E-mail: rustam_halafyan@mail.ru

Аннотация. Взаимовлияние международного права и международного «мягкого права» происходит не только в международных, но также и во внутригосударственных отношениях. В статье на примере государств Европы, Северной Америки и отдельных государств-участников Содружества Независимых Государств рассматриваются основные способы влияния международного «мягкого права» на внутригосударственные отношения: прямое (посредством специальных отсылок к нему в законодательстве, международных договорах, судебных решениях) и косвенное (в качестве вспомогательного средства к правовым нормам). Международное «мягкое право» используется, прежде всего в судебной практике. Оно позволяет судьям аргументировать их решения, истолковать и конкретизировать правовую норму и др. Обосновывается вывод, что использование международного «мягкого права» в национальных правовых системах способствует имплементации международного права. В этой связи подчеркивается необходимость проведения дальнейших исследований по теме. На основе анализа государственной практики автор ставит вопрос о международном «мягком праве» как о специфическом нормативном регуляторе, в том числе внутригосударственных отношений.

Ключевые слова: международное право, международное «мягкое право», внутригосударственные отношения, нормативные правовые акты, суды.